

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

К 100-летию Бориса Федоровича Поршнева

Олег Вите

«Я – СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

*Книга «О начале человеческой истории»
и ее место в творческой биографии
Б.Ф. Поршнева**

Признание как
крупнейшего
«троглодитоведа»

Почти полный разрыв Б.Ф. Поршнева с отечественными антропологами был отчасти компенсирован признанием со стороны ряда зарубежных специалистов. Это признание Б.Ф. Поршнева как крупнейшего «троглодитоведа» причудливо переплелось с другим признанием: в 1963 году вышел французский перевод «Народных восстаний...». Через 20 лет французский историк Эммануэль Ле Руа Ладюри написал: *«Жил однажды на свете советский историк по имени Борис Поршнева. Два предмета постоянно вызывали у него огромный интерес: йети и антиналоговые бунты. Отвратительный снежный человек и Жак-простак**»* [1].

Ле Руа Ладюри поразил тот факт, что один и тот же исследователь пишет книги на столь далекие друг от друга темы – троглодиты и классовая борьба. Через десять лет после знакомства с книгой Б.Ф. Поршнева об «антиналоговых бунтах» Ле Руа Ладюри мог уже прочесть французский перевод «Борьбы за троглодитов», опубликованный в Париже (1974) бельгийским зоологом Бернаром Эвельмансом. Но все же это были две разные книги.

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2006. № 2. С. 196–215; № 3. С. 200–225; № 4. С. 191–219; 2007. № 1. С. 180–192.

** «Жак-простак» – презрительное дворянское прозвище крестьянина. От этого прозвища получило название антифеодальное восстание во Франции 1358 г. – «Жакерия».

Видел бы Ле Руа Ладюри статью-рецензию Б.Ф. Поршнева «Книга о морали и религии...», в которой две эти темы вполне органично сплетены в один небольшой текст...

В 1961 году в Виттенберге (ГДР) на немецком языке публикуются первые четыре выпуска «Информационных материалов»; в 1965-м те же самое – на итальянском языке в Риме. Последний перевод обязан своим появлением поддержке известного итальянского статистика, социолога и демографа, президента Международного социологического института К. Джини (1884 – 1965) и опубликован в журнале «Genus» — органе созданного им еще в 1930-е годы. «Итальянского Комитета по изучению населения». Подготовленный в 1966 году краткий доклад, посвященный памяти К. Джини, Б.Ф. Поршнева начал словами: *«Среди тех областей, в которых покойный проф. Коррадо Джини внес ценный вклад, одна занимает особое место. Если позволено будет так выразиться, это была его последняя любовь. Несомненно, некоторые коллеги порицали его за это расширение круга своих научных знаний. Я вижу в этом акт мужества и честности ученого. Несомненно, что раз, познакомясь с состоянием проблемы реликтовых гоминоидов, покойный Коррадо Джини отдал себе отчет не только в том, что это вопрос интересный, даже увлекательный, но и в том, что разгадка неминуемо повлечет за собой целую научную лавину»* [2].

Международный комитет по изучению обволощенных прямоходящих человекообразных

К. Джини организовал при Международном социологическом институте (МСИ) специальный комитет – Международный комитет по изучению обволощенных прямоходящих человекообразных [3] – для взаимодействия ученых разных стран по проблеме реликтового палеоантропа; опубликовал (1964) в журнале «Genus» – выдержки (предисловие и послесловие) из монографии Б.Ф. Поршнева «Современное состояние...». Именно при поддержке К. Джини в 1961 г. Б.Ф. Поршнева получил приглашение стать членом МСИ* и через два года стал им официально; тогда же вошел и в названный Международный комитет.

Среди других зарубежных исследователей проблемы троглодитов, с которыми тесно сотрудничал Б.Ф. Поршнева, в первую очередь следует назвать уже упомянутого Б. Эвельманса и американского зоолога А. Сэндерсона. Подготовленный последним обзор дан-

* Б.Ф. Поршнева был первым советским ученым – членом Международного социологического института в Риме. Советские философы и социологи сотрудничали, главным образом, с другой организацией – с Международной ассоциацией социологов.

Троглодит как неотъемлемая часть концепции о начале человеческой истории

ных о существовании троглодита на американском континенте был резюмирован Б.Ф. Поршневым в 9-й главе монографии о реликтовых палеоантропах, названной «Восточная ветвь (Америка)». В книге «Борьба за троглодитов», заявку на которую Б.Ф. Поршневым направил в издательство «Молодая гвардия» в 1968 году, планировалась новая глава – «Калифорнийское опытное поле» (американские исследования в Калифорнии и Канаде), в которой также должны были быть изложены данные, собранные А. Сэндерсоном.

Вклад исследований троглодитов в разработку Б.Ф. Поршневым концепции начала человеческой истории трудно переоценить. Ниже будет показано, как эти исследования способствовали формированию основного понятия поршневской социальной психологии – оппозиции «они и мы»; в следующем разделе – как троглодит повлиял на поршневскую модель двух инверсий, даже вызвал временное наваждение и чуть не привел к ошибке...

Сам Б.Ф. Поршневым так оценивал значение открытия живого троглодита для теории антропогенеза: *«Открытие реликтовых неандертальцев говорит не о том, как произошел человек, а о том, как он безусловно не произошел: обрушена половина заслонявшей горы. Она осела с грохотом, с пылью под небо»* [4].

Троглодит стал неотъемлемой частью поршневской концепции начала человеческой истории. В книге «О начале...» этой теме специально посвящен IV раздел («Остатки дивергенции в историческое время») ее девятой главы («Дивергенция троглодитид и гоминид»).

Обращение к социальной психологии

Включение социальной психологии в круг научных направлений, мобилизованных на решение загадки начала истории, произошло столь же внезапно, как и в случае с троглодитом. Но, в отличие от последнего, Б.Ф. Поршневым не оставлено собственных свидетельств об обстоятельствах неожиданного появления интереса к социальной (и тесно связанной с ней исторической) психологии. Отчасти, пробел восполняют уже цитированные воспоминания А.Я. Гуревича: *«Я помню: в конце 50-х или в начале 60-х годов из Франции возвратился ученый из числа армянских эмигрантов. В Париже он работал в школе Иньяса Меерсона и Жан-Пьера Вернана, которые разрабатывали проблемы исторической психологии. Приехавший в Москву делал доклад об этом новом в то время направлении. Б.Ф. [Б.Ф. Поршневым. – О.В.] вначале отнесся к его сообщению в высшей*

степени негативно, через несколько месяцев, однако, передумал и решил, что исторической психологией стоит заниматься» [5].

Какие же это были «несколько месяцев»?

Ответ на этот вопрос дает анализ подготовки к публикации одного поршневого доклада.

«Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук»

После неудач «деструктивного» этапа своих публикаций и последовавшей за ними неудачной попытки добиться высокого институционального статуса для исследований троглодитов, а если еще точнее — сразу после провала издания в Минске (1961) своей монографии о троглодитах Б.Ф. Поршневу предпринимает попытку создать новую, «с нуля», площадку для междисциплинарных и мультидисциплинарных обсуждений и исследований всего комплекса проблем начала истории. Как не трудно догадаться — выступает с докладом. Тема: «Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук». Место: вначале (ноябрь 1961) — заседание Отделения исторических наук АН СССР, затем еще раз (январь 1962) — совместное заседание Отделений исторических и биологических наук АН СССР. В докладе Б.Ф. Поршневу обращает внимание на два ключевых недостатка текущего «состояния пограничных проблем»: отсутствие интереса специалистов биологических наук и психологии к «филогенетическим» аспектам своих наук и организационную разобщенность научных учреждений, затрагивающих в своих исследованиях различные аспекты антропогенеза. О печальных последствиях такого состояния позже Б.Ф. Поршневу напишет: *«Ни один зоолог не занялся всерьез экологией четвертичных предков людей, а ведь систематика, предлагаемая палеонтологами для окружавших этих предков животных видов, не может заменить экологии, биоценологии, этологии. Ни один психолог или нейрофизиолог не занялся со своей стороны филогенетическим аспектом своей науки, предпочитая выслушивать импровизации специалистов по совсем другой части: умеющих производить раскопки и систематизировать находки, но не умеющих поставить и самого простого опыта в физиологической или психологической лаборатории. Ни один квалифицированный социолог и философ не написал о биологической предьстории людей чего-либо, что не было бы индуцировано в конечном счете теми же палеоархеологами и палеоантропологами, которые сами нуждались бы в этих вопросах в научном руководстве. Получается замкнутый круг»* [6].

Для преодоления разобщенности, для координации исследований в части, прежде всего, филогенетических аспектов всех названных наук Б.Ф. Поршнев и предлагает создать новую площадку, придав ей междисциплинарный характер и опять-таки высокий институциональный статус: «*В будущем сумма соответствующих учреждений могла бы образовать Отделение антропологии и психофизиологии АН СССР, наподобие того, как в МГУ намечалось создание “факультета наук о человеке”*. Пока, может быть, нужно создать научный совет при Президиуме АН СССР, координирующий разработку всей совокупности пограничных проблем между биологическими и общественно-историческими науками (Совет по естественным наукам о человеке?)» [7].

Совет по естественным наукам о человеке

Уже после выхода журнальной версии доклада Б.Ф. Поршнев направляет в Президиум АН СССР специальную докладную записку с обоснованием необходимости создания этого Совета [8]. Впрочем, индивидуальные советы коллегам-ученым, как преодолеть указанный «замкнутый круг», Б.Ф. Поршнев давал и раньше: «*...Если археологи-палеолитчики хотят быть не только археологами в собственном смысле слова, но обсуждать проблемы психологии, социологии, экономики, или же антропологии, физиологии, экологии древних плейстоценовых гоминид, они обязаны хотя бы в минимальном объеме овладеть основами соответствующих наук. Право же, для зрелого ученого уже не составляет непосильной задачи в объеме, скажем, кандидатского минимума освоить еще, еще и еще одну смежную или даже довольно удаленную научную дисциплину*» [9].

Создание новой междисциплинарной площадки

В поршневских предложениях была и побочная, но исключительно важная цель: создание новой, «с нуля», междисциплинарной площадки сводит к минимуму влияние сложившихся в научной среде корпоративных традиций, клановых связей и т.п. на исследования и дискуссии. Коллеги организационные предложения Б.Ф. Поршнева не поддержали и, справедливости ради, надо сказать, что многие возражения были достаточно убедительны.

Внимание к социальной и исторической психологии

Рассматриваемый доклад важен еще и тем, что в нем впервые обнаруживаются признаки внимания Б.Ф. Поршнева к социальной и исторической психологии. Он приводит целый ряд примеров зарубежных исследований в области исторической психологии, хотя социальную психологию упоминает лишь в контексте сложившегося в советской науке недоверия к подобного рода терминам: «*Критически относятся... к терминам*

“историческая психология”, “этническая психология”, “социальная психология”, “палеопсихология» [10]. Но пока ни историческая, ни социальная психология не стали еще предметом его собственного анализа; «озарения» по поводу первостепенной важности социальной психологии для понимания начала истории еще не произошло. В мае 1962 года появляется журнальная версия доклада. В нее Б.Ф. Поршнев добавляет абзац, которого нет в стенограмме: *«Советским психологам, социологам и историкам необходимо совместно развернуть занятия социальной психологией. Здесь нужны исследования и по современности и по историческому прошлому; нужны исследования по психологии разных социальных слоев в различные эпохи. Автор этих строк представил к X Международному конгрессу историков опыт исследования народных психологических истоков мировоззрения великого мыслителя XVIII века Жана Мелье; однако методология таких исследований по социальной психологии с тех пор у нас не разрабатывалась* . Такие частные проблемы социальной психологии впишутся, как своего рода экспериментальный материал, во всемирно-историческую шкалу, которая дает понимание от чего и к чему совершается совокупный процесс развития психики»* [11].

Этот добавленный абзац, как будто, всего лишь развивает мысль предшествующего абзаца, имевшегося в докладе: *«Изучение психических явлений в истории, в общественной жизни неправильно оставлять во владении буржуазных антинаучных школ “исторической психологии”, “психологической социологии” и т.д. ... Это как бы микропроцессы, включенные в гигантский макропроцесс развития психики в филогенезе и совокупном ходе всемирной истории»* [12].

Но как все переменялось с добавлением нового абзаца! Тут уже и осознание важности социальной (и/или исторической) психологии для понимания вектора исторического развития, а также его исходной точки, и даже внезапное осознание, что он, Б.Ф. Поршнев, сам давно уже не чужд исследованиям по исторической и социальной психологии! Таким образом, есть все основания утверждать, что инсайт, раскрывший Б.Ф. Поршневу глаза на социальную психологию, посетил его между ноябрем 1961-го (первым выступлением

* Не совсем ясно, что значит «с тех пор»: не сожалеет ли тут Б.Ф. Поршнев, что тогда, в 1955 г., представляя свой доклад о Ж. Мелье, он еще не осознал всю важность и ценность науки социальной психологии?

Выработка
собственной
парадигмы
социальной
психологии

с докладом) и апрелем 1962 года (самое позднее время поступления рукописи в редакцию журнала). Вот они, «несколько месяцев», о которых писал А.Я. Гуревич.

Но пока у Б.Ф. Поршнева еще нет собственной концепции, собственной терминологии; не решен еще вопрос о соотношении исторической и социальной психологии. Концепция разрабатывается стремительно, на ходу, можно сказать, пишется «на коленках»; важные концептуальные изменения, уточнения терминологии не успевают за публикациями... Во всем этом социально-психологическом потоке поршнева работы можно выделить три направления: разработка собственной концепции, понятийного аппарата, скажу больше, – собственной парадигмы социальной психологии; переосмысление старого материала (включая свои прежние исследования) в терминах и понятиях новой науки; завоевание легитимности, самого права на существование в СССР науки «социальная психология».

Борьба за
легитимность
социальной
психологии

Учитывая глубоко укоренившееся идеологическое недоверие даже к терминам «социальная психология», «историческая психология», «этническая психология», Б.Ф. Поршневу бросается в бой – завоевывать легитимность. В 1959 году прошел внеочередной XXI съезд КПСС, на котором Н.С. Хрущев объявил о начале строительства коммунизма в СССР. Б.Ф. Поршневу публикует в журнале «Коммунист» статью «Общественная психология и формирование нового человека» (1963), где если и не пугает срывом намеченного строительства в случае недостаточно быстрого развития социальной психологии, то, вне сомнения, определенно намекает на существенное его ускорение в обратном случае. Надо помнить, что в этот бой за легитимность Б.Ф. Поршневу бросается чуть ли не на следующий день после того, как невероятными усилиями и вопреки отчаянному сопротивлению ему удается опубликовать – со второй попытки – свою монографию о реликтовых гоминоидах...

Одновременно Б.Ф. Поршневу готовит наступление и на втором фронте борьбы за легитимность; цель – взять В.И. Ленина в союзники. В 1965 году на Всесоюзной научной сессии «В.И. Ленин и историческая наука» Б.Ф. Поршневу выступает с докладом «Ленинская наука революции и социальная психология», где убедительно показывает, что во многом основой успеха Ленина как политика было глубокое понимание им социально-психологических особенностей различных национальных и социальных групп в России.

Универсальность оппозиций «мы и они», «свои и чужие»

В 1964 году, на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве, Б.Ф. Поршнев, как сказано выше, выступал на симпозиуме «Проблема грани между человеком и животным». На том же конгрессе он делает доклад и по социальной психологии: «Принципы социально-этнической психологии». В нем он сформулировал центральное понятие своей социально-психологической парадигмы: *«Субъективная психическая сторона всякой общности людей... конституируется путем двуединого психического явления: оно резюмируется выражением “мы и они”»* [13]. Неверным было бы считать, что до Б.Ф. Поршнева никто из исследователей не описывал оппозиции «мы – они», «свои – чужие» и т.п. Но Б.Ф. Поршнев был первым, кто увидел в этой оппозиции универсальный принцип или всеобщий закон, который можно положить в основу социальной психологии, превратить ее тем самым из более или менее систематизированной сводки данных («коллекции примеров») в полноценную науку.

Универсальность этого «всеобщего закона» была тем более ценна для Б.Ф. Поршнева, что оппозиция «мы – они» оказывалась всеобщим выражением движущих сил исторического процесса на всем его протяжении, по отношению к которому эпохи классового антагонизма выступали как «частный» (хотя и чрезвычайно важный) «случай» в человеческой истории.

Как же он увидел эту универсальность?

Похоже, и здесь не обошлось без «искорки сопоставления». В огромной этнографической литературе, хорошо знакомой Б.Ф. Поршневу с 1920-х годов, время от времени констатировалась однотипная по самым различным исследованиям оппозиция «свои – чужие». Однако для решающего обобщения недоставало одного – понимания причины возникновения такой оппозиции, ее происхождения. После вовлечения в круг своих научных интересов троглодита те же этнографические данные стали обнаруживать перед взором Б.Ф. Поршнева не только древнейшие отношения между группами людей, но и еще более древние отношения между людьми и окружавшими их троглодитами. Уже в статье-рецензии «Книга о морали...» Б.Ф. Поршнев анализирует наиболее древнюю (первую) ступень формирования религиозных представлений, в которой образ отдельных «божеств» еще не выделен из «обезличенной множественности», отмечая две важные характеристики такого образа «группового божества»: (1) «На начальной ступе-

пени вовсе не вскрывается стремление людей приписывать этим существам какие-либо сверхъестественные черты и свойства. Напротив, они рисуются натуралистично. Их считают видимыми». (2) «Все существа эти трактуются как враждебные труду и культуре человека, как вредоносные противники культурной жизни... Перед нами всего лишь своего рода антилюди» [14].

Вот когда могла возникнуть «искорка сопоставления»: оппозиция «мы – они», «свои – чужие» есть перенесение исходного восприятия людьми окружающих троглодитов в отношения друг к другу групп людей, рождающихся из распада «нерасчленимого диффузного целого». И при таком понимании оппозиция «мы – они» становится уже не просто систематизацией наблюдаемых фактов, но и глубочайшим научным обобщением. Через год после цитированной статьи-рецензии, в 1964 году, Б.Ф. Поршнев выступит с докладом, в котором впервые появится «мы – они» ...

«Мы – они» как движущая сила антропогенеза

В том же 1964 году Б.Ф. Поршнев заканчивает работу над брошюрой – первым опытом систематического изложения своей концепции появления человека. В этой брошюре Б.Ф. Поршнев впервые объясняет то, что разгадал годом ранее, а именно, как в процессе дивергенции палеоантропов и неантропов зародилась оппозиция «мы – они»: «...здесь действовал не столько естественный отбор, сколько своего рода искусственный отбор — отталкивание одного варианта от другого, хотя бы и мало отличавшегося поначалу. А на этом фоне чем дальше, тем больше развертывался второй процесс. Он состоит в формировании определенных отношений родовых групп. Но в этих отношениях как бы воспроизводится и первый процесс: каждая группа относится и к ближней, и к другим, как в некоторой степени “не-людям”. Людьями называют и считают только свою группу. По отношению к ближним звеньям это не столь сильно выражено, но чем более отдаленно звено цепи, тем отчетливее к нему относятся как к “не-людьям”» [15].

Еще через два года, в книге «Социальная психология и история» Б.Ф. Поршнев также укажет на происхождение межчеловеческих отношений из отношений людей к окружавшим их троглодитам, но укажет осторожно, как гипотезу: «Если восходить еще дальше к наудревнейшему прошлому, то естественно возникает догадка: не отражает ли это исходное, можно сказать, исконное психологическое размежевание с какими-то

“они” сосуществование людей на Земле с их биологическими предшественниками – палеоантропами (неандертальцами)? Именно их могли ощущать как недопускаемых к общению и опасных “нелюдей”, “полулюдей”. Иначе говоря, при этой гипотезе первое человеческое психологическое отношение – это не самосознание первобытной родовой общины, а отношение людей к своим близким животнообразным предкам и тем самым ощущение ими себя именно как людей, а не как членов своей общины. Лишь по мере вымирания и истребления палеоантропов та же психологическая схема стала распространяться на отношения между группами, общинами, племенами, а там и всякими иными общностями внутри единого биологического вида современных людей» [16].

Закон формирования любой психической общности

В 1972 году в неопубликованной статье «Успехи и трудности социальной психологии» Б.Ф. Поршнев напишет о первостепенной важности закона формирования любой психической общности, то есть всякого субъективного «мы», по сопоставлению или противопоставлению с теми или иными «они», о том, что потенциал этого обобщения все еще недооценен: *«Чем далее разрабатывается этот вывод, тем более он представляется поистине всеобщим, универсальным и помогающим анализу самых разнообразных общественных фактов. Научная продуктивность его уже подтверждена многими конкретными исследованиями. Диапазон этих “мы и они” простирается от сопоставления самых гигантских общественно-исторических систем и классов до самых второстепенных, узких, эфемерных»* [17].

Построение социально-психологического знания

В статье «Элементы социальной психологии», опубликованной в 1965 году, Б.Ф. Поршнев более подробно излагает свое понимание социальной психологии, а также касается вопроса о ее соотношении с общей психологией. В этой статье он делает первую попытку интегрировать результаты своих социально-психологических изысканий в концепцию происхождения человека, в ее физиолого-психологическую часть, в теорию возникновения человеческой речи и человеческого мышления. Но сама социально-психологическая терминология, да и вся поршнева парадигма этой науки, еще не вполне разработана, не построена. Полноценная интеграция еще не получается, она будет достигнута позднее. Решающий шаг в этом направлении был сделан в 1967–1968 годах (этот шаг будет подробно рассмотрен в следующем разделе).

В 1966 году издается написанная годом ранее книга Б.Ф. Поршнева «Социальная психология и история» – наиболее развернутое изложение основ его социально-психологической концепции или парадигмы. Проблема легитимности все еще остается, но теперь, после отстранения Н.С. Хрущева от власти, тема «строительства коммунизма» утратила былую актуальность. На передний план выходит привлечение в союзники В.И. Ленина. Поэтому первая глава книги (из пяти), занимающая при этом одну треть ее объема, носит знакомое название: «Ленинская наука революции и социальная психология». Прикладное значение этой главы косвенно подтверждается фактом привлечения к ее подготовке жены Б.Ф. Поршнева, Изольды Мееровны Лукомской [18]. С другой стороны, такое прикладное значение «главы о Ленине» привело А.Я. Гуревича, не считавшего, надо подчеркнуть, «стоящей» и всю книгу, к оценке этой главы как единственной, содержащей «эмпирический материал»: «*В ней [книге. — О.В.] не содержалось ни одного указания на какие бы то ни было источники, на факты, которые можно было бы исследовать в плане изучения исторической психологии, кроме одной главы с многочисленными цитатами из работ Ленина относительно того, как надо вести себя, чтобы революционная тактика не отрывала партию от масс с их переменчивыми настроениями и т.п.*» [19].

Интеграция
социальной,
этнической и
исторической
психологии

Название книги отражает определенный рубеж в размышлениях Б.Ф. Поршнева о соотношении социальной, этнической и исторической психологии: первоначально он намеревался опубликовать ее под названием «Основания социально-исторической психологии» [20], тогда как первый доклад о новой для Б.Ф. Поршнева науке был назван, как уже говорилось, «Принципы социально-этнической психологии».

Б.Ф. Поршневу сразу осознал, какой мощный научный инструмент представляет собой оппозиция «мы – они». Во-первых, это понятие позволило ему переосмыслить свои собственные прежние исследования – например, тезисы о первобытном обществе 1932 года и доклад-статью о происхождении общества 1957–1958 годов. Все сразу стало на свои места: распадение первоначального «нерасчленимого диффузного целого» на множество первобытных общин, находящихся друг к другу в отношениях «мы – они», стало прямым свидетельством дивергенции неантропов и палеоантропов, определенных этапов физиолого-психологического процесса развития человеческой речевой коммуникации.

Интерес к
психоанализу

Во-вторых, это понятие позволило по-новому взглянуть на многочисленные этнографические исследования, а также психологические исследования, привлекающие этнографический материал.

Именно последним можно объяснить пробудившийся в 1960-е годы интерес Б.Ф. Поршнева к З. Фрейду и «фрейдизму». В 1964 году Б.Ф. Поршневым ставит под сомнение гипотезы, изложенные в работе З. Фрейда «Тотем и табу» [21]: *«Психоанализ... глубоко антиисторичен. Начиная от тех воображаемых первобытных сыновей, которые убили и съели своего отца, и до современных людей, все еще расплачивающихся за первородный грех, согласно этой теории все еще не только действует тот же самый психический механизм, но и действует в сущности почти одинаковым образом»* [22].

В статье «Элементы...», а затем и в книге «Социальная психология...» Б.Ф. Поршневым подчеркивается и то в психоанализе, что, напротив, его привлекает: *«...во фрейдовском психоанализе есть черта, выражающая веру во всепобеждающую силу человеческого разума: убежденность в том, что “бессознательное” любого человека может быть сделано достоянием его сознания, научно-го анализа»* [23].

Поправки
в психоанализ

Мало того, Б.Ф. Поршневым уже в тезисах доклада на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук прямо предлагает внести коррективы в психоанализ с тем, чтобы устранить его коренной недостаток – антиисторичность: *«Право же, конкретные наблюдения психоаналитиков могли бы сразу приобрести совершенно новую трактовку, если бы были перенесены хотя бы в такой эволюционный кадр: патологические подавленные влечения, чрезмерное либидо — это наследие того, что было совершенно нормально в биологии нашего предка, палеоантропа (неандертальцев в широком смысле слова), но не успело быть уничтоженным естественным отбором ввиду чрезвычайной быстроты происшедшей трансформации. Необходимость в каждой индивидуальной психике вытеснения и сублимации пережитков неандертальца выглядела бы при таком допущении куда более рационально и исторично»* [24].

Б.Ф. Поршневым считается настолько важными эти свои поправки в психоанализ, что повторяет их еще в двух работах, опубликованных в 1966 году, – почти буквально в книге «Социальная психология...» [25] и кратко в статье «Возможна ли сейчас научная революция в приматологии» (последняя будет подробно рассмотрена в следующем разделе): *«К... пережиткам [палеоантропа. — О.В.]*

придется, очевидно, отнести и обнаруженный, но не понятый фрейдизмом, избыточный, подавляемый и сублимированный у человека поисково-половой инстинкт, который был жизненно необходим нашим животным предкам того времени и соответствовал биологической норме в условиях высокой дисперсности вида» [26].

Б.Ф. Поршнев не останавливается на этих поправках в психоанализ. Он идет дальше, а именно, подводит под «топографическую» модель психического аппарата, разработанную З. Фрейдом, собственную палеопсихологическую концепцию: «...в психике человека есть более древние и более молодые пласты, как в коре Земли, но не просто наложенные друг на друга, а находящиеся в сложном взаимодействии. Само “бессознательное” могло бы трактоваться как пласт, отвечающий психическому уровню палеоантропа. Шлюз, соединяющий бессознательное с сознательным, фрейдизм называет предсознанием. И в этих наблюдениях кое-что можно не отбросить, а круто переосмыслить. Тут, в этом шлюзе, царит, как говорят, “символическое” мышление: подстановки, отождествление разных предметов, воображаемое превращение их друг в друга... Как не узнать низшую, древнейшую фазу валлоновских “пар”, фазу наиболее далеких от реалистического наполнения дипластий! Может быть, эту фазу и следует сопоставить с первыми шагами психического развития нашего вида – “человек разумный” (*Homo sapiens*)» [27].

Психоанализ как важный источник знаний для палеопсихологии

Судя по приведенным словам, Б.Ф. Поршнев излагает фрейдовскую «топографическую модель» по воспоминаниям о прочитанном в 1920-е годы. Ведь поршневу «фазу далеких от реалистического наполнения дипластий» З. Фрейд, строго говоря, относил к бессознательному, а не к предсознательному*. С другой стороны, в приведенной интерпретации «топографической модели» (пусть и сделанной на скорую руку) можно увидеть и намек на возможность возрождения популярного в 1920-е годы «фрейдомарксизма»** – на более солидном биолого-психологическом и эволюционном фундаменте. Через пять лет, в 1971 году, в своем выступлении на IV Всесоюзном съезде Общества психологов в Тбилиси Б.Ф. Поршнев расширяет список привле-

* Впрочем, у этой аберрации была и другая причина: ниже будет показано, что как раз в 1964–1966 годы Б.Ф. Поршнев оказался в плену ошибочной трактовки своей модели двух инверсий.

** Виднейшим представителем этого течения был М. Рейснер, один из авторов сборника, упомянутого в предыдущем разделе в качестве показательного примера читаемой Б.Ф. Поршневым в 1920-е годы литературы.

каемых «основоположников психоанализа», впервые упоминая К.Г. Юнга, и прямо объявляет психоанализ одним из важнейших источников данных для своей (поршневатской) палеопсихологии: «Под палеопсихологией будем понимать ту часть филогенетических вопросов психологии, которая касается каменного века, древнейшей поры развития человеческой психики. Рождение этой дисциплины связывают с именем К. Юнга... Палеопсихология в большой мере пользуется методами экстраполяции, в том числе использует данные онтогенеза, патологии, психоанализа и т.д.» [28].

Интерпретация психоаналитических концепций

Еще через год, в 1972 году, как будет показано ниже, Б.Ф. Поршневат сделает шаг и к собственной интерпретации «структурной модели» З. Фрейда. Свою интерпретацию топографической и структурной моделей З. Фрейда Б.Ф. Поршневат основывает на собственной концепции науки палеопсихологии, у истоков которой видит К.Г. Юнга. Уж не задумал ли Б.Ф. Поршневат теоретически примирить З. Фрейда с К.Г. Юнгом, так же, как он сделал это – к моменту цитированного выступления – с И.П. Павловым и А.А. Ухтомским?

Две филогенетические схемы происхождения человеческой психики: «особь – среда» и «особь – особь»

Нет сомнений в высокой оценке Б.Ф. Поршневатым психоанализа. И это объяснимо. Противопоставление двух филогенетических схем анализа происхождения человеческой психики – «особь – среда» и «особь – особь», о чем шла речь выше, имеет выразительный онтогенетический аналог. В написанной в 1972 году и неопубликованной статье «Успехи и трудности социальной психологии» Б.Ф. Поршневат говорит о судьбе школы Л.С. Выготского: «Наследники Л.С. Выготского оказались ныне на двух прямо противоположных позициях. В частности это касается кардинального в психологии понятия интериоризации*. Этот термин означает преобразование внешних стимулов, воздействующих на поведение, во внутренние мотивы, в саморегулирование индивида. Психологи выражают это короткой формулой “извне – внутрь”. Но что это за внешние стимулы? Следуя замыслу Выготского и научно развивая его, одно направление во главе с А.Р. Лурия отвечает: общение между людьми, в частности и в первую очередь речевые связи; другое направление утверждает: нет, общение индивида с предметами, его персональное взаимодействие с вещественной средой. Эту противоположность резюмируют две научно-психологические формулы: в первом случае – “интер-индивиду-

* В современном психоанализе используется практически тождественный по смыслу термин «интернализация».

альное отношение превращается в интра-индивидуальную структуру», во втором случае – “экзо-индивидуальная деятельность превращается в интра-индивидуальную структуру”» [29].

Б.Ф. Поршнев тут явно намекает, что вторая группа учеников Л.С. Выготского фактически отказалась от позиции учителя в этом вопросе. Но названные Б.Ф. Поршневым две «различные позиции» как раз и являются онтогенетическим аналогом указанной филогенетической альтернативы («особь – особь» и «особь – среда»). Иначе говоря, всех психологов, исследовавших развитие психики ребенка, можно разделить на две неравные группы. К меньшей группе принадлежат те, кто анализировал развитие психики в модели «ребенок – взрослый» (Л.С. Выготский и часть его учеников, А. Валлон и, что важно подчеркнуть, психоаналитики). К большей группе – ученые, анализировавшие развитие психики в модели «ребенок – предмет» (Ж. Пиаже, В. Штерн, К. Бюлер, А. Гезел, бихевиористы и т.п., а также другая часть учеников Л.С. Выготского). Самого Б.Ф. Поршнева следует отнести, естественно, именно к первой группе.

Судьба книги
«Социальная
психология
и история»

Книга «Социальная психология и история» никогда не переводилась за рубежом. Вероятно, это связано не столько с экстравагантностью для зарубежных социальных психологов и социологов поршневской парадигмы, сколько с перегруженностью содержания книги борьбой за легитимность, затрудняющей ее чтение и восприятие. Напротив, по той же причине эта книга стала единственной, которая несколько раз полностью или частично переводилась на разные языки в Москве*. В 1970 году несколько сокращенная версия первой главы книги («Ленинская наука революции и социальная психология»), то есть собственно та ее часть, которая и призвана была обеспечить легитимность новой науки в СССР, печатается издательством АПН** сразу на четырех языках: английском, французском, испанском и арабском. Последний перевод – кажется, единственный случай издания работ Б.Ф. Поршнева на арабском языке... В тот же год издательство «Прогресс» выпускает всю книгу на английском языке, а в 1978-м – на итальянском.

Очевидная концептуальная незавершенность книги требовала от Б.Ф. Поршнева ускоренной работы по

* Еще один аналогичный случай все же был: в 1979 г. издательство «Прогресс» выпустило книгу «Очерк политической экономики феодализма» на французском языке.

** АПН — агентство печати «Новости», информационная служба, обеспечивавшая советскую пропаганду за рубежом.

подготовке ее нового, переработанного издания. Уже весной 1969 года он получает разрешение редколлегии серии научно-популярных изданий АН СССР на увеличение объема книги до 16 авторских листов [30] (объем издания 1966 года – чуть больше 11).

В подготовке Б.Ф. Поршневым нового издания книги можно выделить два этапа. Вначале он планирует лишь несколько переработать имеющиеся главы и дополнить книгу еще одной (шестой) главой: «Простейшее социально-психологическое явление и его осложнение в ходе истории». Текст этой главы написан к весне 1969 года [31], то есть как раз ко времени получения разрешения на расширенное переиздание всей книги. Однако в таком виде книга не появляется, а рукопись ее новой «главы» под слегка измененным названием «Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества)» публикуется в качестве самостоятельной статьи в сборнике «История и психология» (1971). Произошел, похоже, редчайший случай: уже разрешенная к изданию книга так и не вышла в свет. Несомненно, Б.Ф. Поршневу считал необходимой более глубокую переработку; он постоянно выявляет все новые и новые аспекты концепции, требующие перестройки всего здания, вовлекает в свою социально-психологическую парадигму все новый и новый материал, полученный за ее рамками. Поэтому «Контрсуггестия и история» фактически оказалась не столько дополнительной главой в старую книгу, сколько кратким наброском нового варианта всей книги в целом.

Новые понятия:
суггестия,
контрсуггестия
и контр-контрсуггестия

В 1967 году Б.Ф. Поршневу вносит в свою социально-психологическую парадигму ключевые изменения, вводит новые понятия – суггестия, контрсуггестия и контр-контрсуггестия, благодаря чему поршневская социальная психология органично вплетается во всю его концепцию начала человеческой истории (о значении этих изменений для развития физиологических аспектов концепции — в следующем разделе). В выступлении на III съезде общества психологов (1968) Б.Ф. Поршневу сообщает об очередных нововведениях в социальную психологию: *«Разработанная автором ранее классификация разных типов психических общностей (по признаку “они и мы”) дополняется следующим различием: такую общность, которая противостоит аморфным и неопределенным “они”, можно назвать организованной общностью — у нее есть лидер, авторитет, есть дифференциация функций руководства,*

есть соответствующая внутренняя структура. Напротив, чем определеннее и ограниченнее “они”, тем однороднее, сплошнее общность, иными словами — тем менее она организована и иерархична» [32].

Важная деталь: когда в статье «Контрсуггестия и история» Б.Ф. Поршнев ссылается на свои работы, в которых изложена оппозиция «они – мы», он не ограничивается ссылкой на книгу «Социальная психология...», давая тем самым понять, что одной книги мало, она уже успела устареть: *«Подробнее изложение теории оппозиции “мы” и “они” см.: Б.Ф. Поршнев. Социальная психология и история; он же. “Мы и они” как конститутивный принцип психической общности. — “Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов”, т. III, вып. I. М., 1968» [33].*

Две наиболее поздние рукописи по социальной психологии, относящиеся уже к началу 1970-х годов, демонстрируют: реконструкция еще не завершена, не до конца ясна даже структура будущей переработанной книги.

«Мы»: «мы – общность»
и «мы – вдвоем»

В рукописном наброске дополнений «В социальную психологию» (написан не ранее 1970 года) названия глав будущей книги, к которым Б.Ф. Поршнев пишет «дополнения», не соответствует названию глав книги опубликованной: «Об этнических и археологических культурах», «О речи», «О паре» [34]. Но если содержание первых двух еще как-то можно обнаружить в изданной книге, то глава «О паре» – нечто совершенно новое. В 1970 году для II Международного коллоквиума по социальной психологии в Тбилиси Б.Ф. Поршнев готовит доклад «Категория “пара” и “чужие” в социальной психологии». В нем, в частности, говорится: *«Социально-психические отношения (межобщностные) способны превращаться в парные (межличностные), чтобы затем, наконец, уйти в личность – стать личностью с ее удвоенностью, с ее сознанием. При этом фиксируемые социометрией симпатии выступают как минимальные зачаточные парные сцепления внутри той или иной группы людей. Элементарным явлением речевой деятельности также оказывается диалог – парная коммуникация. В результате предложенного анализа исследованная нами ранее категория “мы” распадается на “мы – общность” и “мы – вдвоем”» [35].*

О социальной психологии: «Нам нужна такая теоретическая наука»

В упомянутой выше неопубликованной статье «Успехи и трудности социальной психологии» (1972) Б.Ф. Поршнев подводит итоги работы по формированию социальной психологии как полноценной науки. Во-первых, он вновь подчеркивает необходимость для

социальной психологии превратиться в полноценную фундаментальную, теоретическую науку: *«Прикладными мы обычно называем такие дисциплины, теоретический фундамент которых подготовлен другими, более общими отделами науки. Вот ныне со всей неотложностью и встает вопрос: а не должна ли социальная психология, во имя конечных интересов практики, стать в полном смысле фундаментальной наукой? Положительный ответ представляется правильным. Нам нужна такая теоретическая наука»* [36].

Закон формирования
всякого «мы»
по отношению
к некоему «они»

Во-вторых, Б.Ф. Поршнев специально останавливается на важнейших характеристиках этой теоретической науки. Он пишет, что *«в нашей научной литературе сделаны заявки только на два закона»* социальной психологии – это закон формирования всякого «мы» по отношению к некоему «они» (сформулирован Б.Ф. Поршневым в 1964 году) и закон речевого общения и взаимодействия, *«закон противоборства внушения и самозащиты от внушения (суггестии и контрсуггестии)»* [37] (сформулирован им в 1967 году). Но относительно нового понятия «пара» (сформулированного им в 1970 году) и его места в своей концепции Б.Ф. Поршнев еще не определился; он еще колеблется, хотя и понимает «исключительную важность» этого концептуального нововведения: *«Может быть, как составную часть этого закона, а может быть, как самостоятельную тему и закономерность социальной психологии, следует рассматривать самый что ни на есть низший, но в то же время исключительно важный трансформатор, включающий отдельного человека в мир человеческих общностей или групп. Таким трансформатором оказывается, во-первых, образование в общественной жизни множества двоек – “диад” (пара, чета)... Во-вторых, и этого механизма было бы еще недостаточно для понимания всей трансмиссии, связывающей каждое “я” с “мы”. Если внешне каждое “я” сочетается попарно с теми или иными “ты”, то внутри себя каждое “я” состоит из невидимой двойки. Эта двоянность человека хорошо отражена словом “со-знание” (ср. французское *cop-science*). Совесть, самоконтроль, внутренний диалог, спор с самим собой – это разные проявления той внутренней удвоенности психики, которая является наиболее индивидуализированным и личностным уровнем сращенности человека с социальной средой: он как бы постоянно в процессе выбора себя и тем самым “своих”»* [38].

Социальная психология, общая психология, психология личности: вопрос о соотношении

«Функция выбора – основа личности»

Хотя тут З. Фрейд по имени и не назван, но учитывая поршневскую палеопсихологическую интерпретацию его топографической модели психического аппарата, в приведенных словах можно угадать и подступ к фрейдовской структурной модели – Я, сверх-Я и Оно.

Б.Ф. Поршнев отдает себе отчет в главной трудности превращения социальной психологии в «фундаментальную науку» – в ее скрытом, но неотвратимом посягательстве на главенство над вполне сложившейся общей психологией (или психологией личности). Ему не терпится вторгнуться в последнюю, но он осторожен. Во вступлении к «Социальной психологии...» Б.Ф. Поршнев ставит *«вопрос о положении по отношению к так называемой общей психологии, или психологии личности»*, но стремится при этом несколько погасить взрывоопасный потенциал этого «сложного вопроса», сводя его к уровню «домашнего спора» [39]. В третьей главе книги Б.Ф. Поршнев вновь обращается к этому «дискуссионному вопросу» и, всячески намекая, что ответ очевиден, все же примирительно оставляет вопрос открытым: *«Психологическая наука сегодня еще не готова дать окончательный ответ на этот дискуссионный вопрос. Но некоторые распространенные представления, мешающие поиску, можно устранить с надежным фактическим основанием»* [40].

В 1969 году публикуется его выступление на симпозиуме «Проблемы личности» по теме, на которой пересекаются общая и социальная психология – «Функция выбора – основа личности». В этой работе Б.Ф. Поршнев обосновывает вторичность «психологии личности» по отношению к изучаемой социальной психологией системе общностей, в которые личность входит и по отношению к которым обособляется, осуществляя непрерывную цепь актов выбора из возникающих альтернативных «мы».

В неопубликованной статье «Успехи и трудности...» Б.Ф. Поршнев уже фактически констатирует порочный круг: с одной стороны, любой серьезный шаг на пути превращения социальной психологии в фундаментальную науку роковым образом обостряет ее отношения с общей психологией, с другой – робость социальных психологов перед общей психологией столь же роковым образом тормозит развитие самой социальной психологии как теоретической науки: *«Хотя она [социальная психология. – О.В.] будет опираться и на социологию, и на историю, и на лингвистику, в основном она должна найти свое место в рамках науки психологии и даже, может быть, оказать на последнюю принципиальное вли-*

«Поршнев
спешил...»

яние, разрешив некоторые большие методологические проблемы общей психологии. Однако пока что даже те авторы, которые заняты разработкой основ социально-психологической теории, не посягают на судьбы общей психологии. И это, по-видимому, несколько сковывает размах и творческую силу даже лучших появившихся в последнее время книг... Авторы этих ценных, богатых мыслями работ все же словно избегают большого разговора с психологами, предъявления им крупного счета» [41].

В 1979 году выходит второе, дополненное и исправленное издание книги «Социальная психология и история». Очевидно, переиздание лишь восстановило полный текст поршневыской рукописи 1966 года. Ничего нового, внесенного Б.Ф. Поршневым в социальную психологию в 1967–1972 годах, во втором издании книги нет. Объем книги – менее 13 авторских листов – так и недотянул до разрешенных еще десятью годами ранее 16 листов...

Резюмируя свои воспоминания о книге «Социальная психология...» А.Я. Гуревич пишет: «Поршнев... спешил: спешил и потому, что был уверен в важности и плодотворности каждой мысли, зарождавшейся в его голове, и потому, что у него было мало времени: он старше меня почти на два десятка лет» [42].

Если оставить в стороне снисходительную иронию А.Я. Гуревича, то, по существу, он прав. Б.Ф. Поршнев спешил, у него, действительно, было мало времени. Достроить здание теоретической науки «социальная психология» Б.Ф. Поршнев не успел. Сыграв едва ли не решающую роль в завоевании самого права на существование в СССР этой науки, Б.Ф. Поршнев фактически лишь помог распространению и утверждению в СССР и современной России традиционных западных представлений о ней. Ни одной попытки дальнейшего развития социальной психологии по поршневыской парадигме до сих пор не было. Однако без важнейших идей и понятий недостроенной им теоретической социальной психологии не сложилась бы и книга «О начале человеческой истории».

(Продолжение следует)

1. См.: *Le Roi Ladurie E.* Parmi les historiens. [Vol. 1.] Paris, 1983. P. 301.

2. *Поршнев Б.Ф.* [Памяти К. Джини]. Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/24/7, л. 1.

3. International Committee for the study of the human-like hairy bipeds; Comité International pour l'étude des humanoïds velus.

4. *Поршнев Б.Ф.* Борьба за троглодитов // Простор. Алма-Ата, 1968. № 7. С. 123–124.
5. *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 27.
6. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 19.
7. Цит. по стенограмме доклада. См.: НА РАН, 457/1/344, л. 20. Этого абзаца в журнальной версии доклада нет. См.: *Поршнев Б.Ф.* Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук // Вопросы философии. 1962. № 5.
8. См.: ОР РГБ, 684/28/8, л. 1 – 2. См. также: *Павлова И.Е.* Нереализованный проект создания Совета по естественным наукам о человеке в АН СССР // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция. М., 2001. С. 169–172.
9. *Поршнев Б.Ф.* К спорам о проблеме возникновения человеческого общества, с. 18. Рукопись первоначального варианта статьи (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. В опубликованном варианте статьи этого абзаца нет.
10. Цит. по журнальной версии: *Поршнев Б.Ф.* Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук // Вопросы философии. 1962. №5. С. 120.
11. *Поршнев Б.Ф.* Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук // Вопросы философии. 1962. № 5. С. 129.
12. Там же.
13. *Поршнев Б.Ф.* Принципы социально-этнической психологии. М., 1964. С. 6.
14. *Поршнев Б.Ф.* Книга о морали и религии угнетенных классов Римской империи // Вестник древней истории. М., 1963. №1 (63). С. 91–92.
15. *Поршнев Б.Ф.* От высших животных к человеку, с. 70. Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой.
16. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979. С. 83.
17. См. ОР РГБ, 684/25/10, л. 14–15.
18. См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979. С. 11 (примечание).
19. *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 27.
20. См.: ОР РГБ, 684/25/9, л. 1.
21. *Freud S.* Totem und Tabu. Wien, 1913. Русский перевод был опубликован уже в начале 20-х гг. и мог быть знаком Б.Ф. Поршневу.
22. *Поршнев Б.Ф.* Принципы социально-этнической психологии. М., 1964. С. 10.

23. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979. С. 188; ср.: *Поршнев Б.Ф.* Элементы социальной психологии // Проблемы общественной психологии. М., 1965. С. 195.
24. *Поршнев Б.Ф.* Принципы социально-этнической психологии. М., 1964. С. 10–11.
25. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979. С. 204.
26. *Поршнев Б.Ф.* Возможна ли сейчас научная революция в приматологии? // Вопросы философии. 1966. №3. С. 110.
27. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979. С. 204.
28. *Поршнев Б.Ф.* Проблемы палеопсихологии // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов. Тбилиси, 1971. С. 23.
29. *Поршнев Б.Ф.* Успехи и трудности социальной психологии. Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/25/10, л. 11.
30. См.: ОР РГБ, 684/26/3, л. 14.
31. См.: ОР РГБ, 684/25/10, л. 42–102.
32. *Поршнев Б.Ф.* «Они» и «мы» как конститутивный признак психической общности // Материалы III Всесоюзного съезда психологов. М., 1968. Т. 3, вып. 1. С. 276. Три последние предложения опущены в опубликованной версии. Цит. по: *Поршнев Б.Ф.* «Они» и «мы» как конститутивный признак психической общности. Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/25/10, л. 23.
33. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. М., 1971. С. 14 (примечание).
34. См.: ОР РГБ, 684/26/3, л. 28 – 29.
35. *Поршнев Б.Ф.* Категория «пара» и «чужие» в социальной психологии // Тезисы докладов на II Международном коллоквиуме по социальной психологии. Тбилиси, 1970. С. 18.
36. *Поршнев Б.Ф.* Успехи и трудности социальной психологии. Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/25/10, л. 7.
37. См.: ОР РГБ, 684/25/10, л. 14, 16.
38. См.: ОР РГБ, 684/25/10, л. 15–16.
39. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979. С. 6.
40. Там же. С. 134.
41. *Поршнев Б.Ф.* Успехи и трудности социальной психологии. Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/25/10, л. 7–8.
42. *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 28.